
КСЕНИЯ
МАРШАЛ
ЗАЙКИНА, ВЫ
ДОПРЫГАЛИСЬ!
Новая жизнь разведенки

Ксения Маршал

Зайкина, вы допрыгались! Новая жизнь разведенки

«Автор»
2026

Маршал К.

Зайкина, вы допрыгались! Новая жизнь разведенки /
К. Маршал — «Автор», 2026

– Зайкина, я предупреждал, что ты допрыгаешься? – рычит грозно мой новый босс. – Предупреждал. Вот теперь не обижайся. Собирай манатки, ты переезжаешь ко мне. Будешь играть роль моей невесты перед бабушкой из Питера. В офисе от тебя все равно толку нет, только отвлекаешь всех от работы.– Но я не могу, у меня ребенок, – шепчу задавленно.Надеюсь, что мать Тихонов не тронет. Напрасно я рассчитываю на его человечность. Потому как он только скалится довольно:– Ребенок – это вообще замечательно. Бабушке точно понравится.***Меня, разведенку с неприлично пышными формами и грудным ребенком дома, бросили на растерзание новому боссу. А тот решил использовать меня в качестве фиктивной невесты, чтобы избежать настоящей свадьбы.Вот только почему-то эти самые мои пышные формы никак не дают боссу покоя, да и меня начинает неумолимо засасывать в водоворот его темных глаз

© Маршал К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 17
Глава 8 19
Глава 9 21
Глава 10 23
Г 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ксения Маршал
Зайкина, вы допрыгались! Новая жизнь разведенки

Глава 1

Мамочки, к такому жизнь меня не готовила! Чувствуя себя полной (в прямом смысле слова) идиоткой, держу в руках поднос с караваем и старательно скалю зубы.

А как же! Нового шефа следует встречать во всеоружии. Последнее утверждение Ираида Павловна восприняла буквально. Иначе не выставила бы меня, а точнее – мой огромный после родов бюст пятого размера на передовую. Как никак от благосклонности нового генерального, которого еще никто из нас не видел, зависят судьбы рабочих!

И, как назло, ни у кого в коллективе более выдающихся «достоинств» не нашлось. Понятное дело, я тут одна такая дурная, кормящая мать, вышла на работу.

– Зато премию получишь, – глумятся надо мной девки из бухгалтерии. – Памперсов купишь. Они, говорят, нынче дорогие.

Стискиваю зубы. И продолжаю скалиться – в любой момент в двери может войти новый шеф. Гроза всего холдинга, который и приобрел недавно наш молочный завод, а потом счел его неэффективным. Теперь Тихонов Константин Анатольевич будет лично разбираться с нашим заводом и решать, кто именно стоит за более чем скромными результатами работы.

Спойлер – точно не коровы.

Оттого и трясется сейчас весь наемный люд в страхе неминуемого увольнения. Некоторых пробрало настолько, что не постеснялись пойти на крайний отчаянный шаг – а именно выставить меня, понадеявшись затмить мозги новому шефу.

Ох, мамочки! Только озабоченного старикашки мне для полного счастья и не хватало! Но деваться некуда. Ипотека сама себя не оплатит, да и памперсы, как верно заметили мои уважаемые коллеги, стоят недешево. А на мужа, точнее – бывшего, надежды никакой. Он же меня с ребенком на улицу и выставил, заявив, что я после родов раскоровела, разочаровала его тонкий вкус, а ребенок вовсе не от него. Потому что слишком громко плачет, мало спит и вообще не похож.

Вот и держу я этот нелепый каравай, который на самом деле яблочный пирог, потому что ничего более подходящего не сумели добыть, и стараюсь не обращать ни на что внимания. Переживу нелепую встречу босса, а потом усядусь тихонько за свое рабочее место и приступлю к обязанностям, постаравшись забыть все это как страшный сон.

Мне вообще нельзя нервничать, у меня молоко может пропасть! Причем, не коровье!

– Идут! Идут! – проносятся по коллективу взволнованные шепотки, и я невольно еще сильнее выпрямляю спину. Как солдат, готовящийся встретить своего генерала. Только бы не попасть под раздачу…

А дальше я сама не понимаю, как все происходит. Ираида Павловна с проворностью, совсем не свойственной даме в летах, вдруг нахлобучивает мне на голову ободок с заячьими ушками и зачем-то расстегивает пару пуговиц на моей офисной блузке. И самое страшное – я ничего не могу с этим поделать! Руки-то заняты караваем.

А через миг и вовсе поздно становится. Двери в холл нашего завода гостеприимно распахиваются, пропуская внутрь целую делегацию с молодым относительно мужчиной во главе.

Высокий брюнет, одетый во все черное, с тяжелым взглядом, мгновенно приковывающим к месту. И вокруг него суетятся все остальные, что-то говорят, подсовывают папки с документами.

Не доходя до меня нескольких метров, этот важный незнакомец спотыкается на ровном месте и застывает. Темный взгляд скользит вниз от плюшевых ушек, минуя декольте, пирог, который каравай, юбку приличной длины ниже колена, а потом вновь поднимается. Врезается в мои глаза, заставляя почувствовать себя донельзя нелепой, а затем ныряет в неприлично широко открывшийся вырез блузки, да так там и остается.

В просторном холле, наполненном множеством людей, повисает тревожная тишина. Я физически чувствую острые взгляды коллег, прожигающие мою спину, но ощутимее всего один – тяжелый, темный и пугающий. Тот самый, который залип в моем внушительном декольте, что так беспощадно выставила на всеобщее обозрение начальница. От него кожу словно покалывать начинает.

Во рту мгновенно пересыхает. В ушах шумит пульс, а в голове ни единой мысли, за которую я бы могла уцепиться. Так и стою, улыбаясь, и держу в онемевших руках злосчастный каравай, молясь, чтобы он ко всему прочему не выскользнул и не плюхнулся на пол.

Боже, бывали ли в моей жизни ситуации хуже? Конечно, кроме той, в которой родной муж выставил меня с новорожденным сыном из дома и привел любовницу.

– Хлеб-соль! – взвизгивает излишне радостно Ираида Павловна в абсолютной тишине. – Константин Анатольевич, просим! – растягивает густо накрашенные губы в старательной улыбке и подталкивает меня в спину.

Хочется взвыть, рявкнуть, чтобы прекращали глупый балаган или сбежать куда подальше в крайнем случае. Но я послушно протягиваю мрачному мужчине сдобу. Которая на положенный каравай даже отдаленно не похожа! Хорошо хоть соль действительно не додумались положить. Потому что яблочный пирог с ней – то еще издевательство.

Раздается гулкий звук шагов во вновь повисшей тишине, и новый шеф оказывается ровно передо мной. Буквально нависает грозовой тучей, заставляя съеживаться и мечтать раствориться в пространстве. Что с моей новой фигурой, конечно, попросту невозможно.

– Добро пожаловать! – сиплю я, потому как голос вдруг подводит.

Меня снова сканируют нечитаемым взглядом.

– Фамилия! – требует Константин Анатольевич так, чтобы слышала только я, а сам отламывает длинными сильными пальцами кусок пирога.

Неужели это и есть наш новый босс, Тихонов? Поверить не могу!

– З-зайкина, – пищу я. И добавляю зачем-то: – Маруся. То есть, Мария Борисовна, – поправляюсь быстро. И уж совсем непонятно для чего интересуюсь заискивающе, глядя на суровое лицо Тихонова: – Сладкое не любите?

Тот жует пару секунд задумчиво, а потом выдает предупреждающим тоном:

– Вы допрыгаетесь, Зайкина, – и головой осуждающе качает.

Глава 2

– Рад всех приветствовать! – уже гораздо громче Тихонов объявляет для всех присутствующих. То есть, я допрыгаюсь, хотя ровно стою на месте, а остальным он рад? Разве это справедливо? – Спасибо за выдающийся прием! – снова роняет взгляд ко мне в декольте, как бы намекая… Вот нахал! – А теперь самое время заняться непосредственными рабочими обязанностями. Поверьте, вклад каждого я оценю, – заканчивает, словно предупреждая.

Народ, встревоженно гудя, начинает расходиться. Конечно, такой жирный намек от начальства! Боюсь, разгонит он тут всех поганой метлой в погоне за призрачной эффективностью.

Двинуться с места не смею. Мешает злосчастный пирог и взгляд нового босса. Словно лично мне он еще не давал высочайшего дозволения на отступление.

– Константин Анатольевич, – к нам подходит Ираида Павловна. Во все глаза смотрю на начальницу. Такого доброжелательного тона я в жизни от нее не слышала, даже когда она получала распоряжения от нашего бывшего генерального, милейшего старичка. Добивает ко всему прочему улыбка – я-то думала, на подобную мимику ее вечно недовольно поджатые губы попросту не способны. Оказывается, просто не все были достойны. – Позвольте, я вам все тут покажу. Меня зовут Ираида Павловна Дворецкая, я первый заместитель Игоря Евгеньевича, нашего прошлого директора.

Тихонов наконец отвлекается от меня на Дворецкую. И я выдыхаю с облегчением, готовясь незаметно слинять. Но следующие слова нового босса обрубают порыв на корню:

– Благодарю. Но в сопровождающие, пожалуй, выберу Зайкину. Раз уж она встретила меня столь… – Константин Анатольевич прерывается, явно подбирая слова, а я чувствую, как под блузкой вся спина покрывается холодным потом. Не надо Зайкину выбирать! Ей и так фигово. Но шеф моих мыслей читать не может, а потому продолжает: – …тепло, то и экскурсию по заводу проведет не хуже. А вы угощайтесь пирогом, – босс выхватывает из моих онемевших рук блюдо с выпечкой и сует обомлевшей Ираиде. С ней до этих самых пор никто в таком ключе не общался, даже добрейший Игорь Евгеньевич. – То есть караваем, конечно же, за мое здоровье.

Между нами повисает пауза. Дворецкая явно обалдела от выкрутасов нового начальства, но перечить не смеет – переживает за свое место. Я просто стараюсь сделаться невидимкой – а ну как обо мне забудут? А свита Тихонова, видимо, в принципе никогда с ним не спорит и своего присутствия не выпячивает.

– Идемте, Маруся, – новый гад, то есть – новый босс панибратски хлопает меня по спине.

Мамочки, ну за что мне все это? Дайте спокойно сгинуть в недрах кабинета и делать свою нехитрую работу, чтобы получать заслуженную зарплату…

– А может все-таки Ираида Павловна? – шепчу с увядающей надеждой. Ну вот что стоит Константину Анатольевичу согласиться? – Я ведь всего лишь менеджер из отдела маркетинга.

– Тем более не будем отвлекать Ирину от обязанностей!

– Ираиду… – поправляю сипло, получая от начальницы полный ненависти взгляд. Только этого мне еще не хватало…

– Я так и сказал, – невозмутимо кивает гад Тихонов.

***

Константин

А этот захудалый молочный завод полон сюрпризов! Не успеваю приехать в старое здание, как натыкаюсь на торжественный прием. Работники расстарались! Больше всех – Зайкина, трясущаяся от страха и держащая в руках какой-то нелепый пирог.

От ее «достоинств», выставленных на всеобщее обозрение, я на миг теряю дар речи. Вот это наградила природа Марусю! Звать ее Марией Борисовной язык не поворачивается – слишком молоденькая и какая-то… трогательная что ли, беззащитная. Как будто ее выкинули в огромный мир, она барахтается, старается, а что именно нужно делать, не знает.

«Ввести на заводе дресс-код» – ставлю себе мысленную галочку. Какая тут работа, когда сотрудницы так явно… м-м-м, дестабилизируют обстановку.

И тем не менее, я, как сопливый подросток, какое-то время взгляда от Зайкиных «богатств» отвести не могу. Манят, заразы! Так аппетитно торчат в вырезе простой белоснежной блузы. Да и в целом формы у Маруси хоть и пышные, но довольно привлекательные. Неудивительно, что вкуса пирога, исполняющего роль каравая, я не чувствую.

Еще и пахнет Маруся феерично – ванилью и грушей. Вроде и просто, но есть в этом что-то изысканное. Для гурманов. Да эти работяги явно с козырей зашли! Если продолжится в том же духе, Зайкина у меня точно допрыгается, я ж не железный.

А вот лебезящая дама в годах со взглядом прожженной стервы и добродушной улыбкой на губах мне не нравится. Исходит от нее что-то неестественное, отталкивающее даже. Поэтому для экскурсии по заводу выбираю Зайкину. Зашла она мне, а тут такой повод подольше насладиться ее компанией. И забавным смущением – конечно же. Должно же что-то и мои серые будни раскрашивать.

Маруся явно не рада нарисовавшемуся раскладу. Ну так, дорогая, кто ж тебя толкал вперед всех? Встречала нового босса с караваем, будь добра ублажать его взор до конца. В следующий раз, надеюсь, отобьется желание совать кому ни попадя в лицо свое декольте с корыстными целями.

Смотрит на меня растерянно. Но спорить не смеет. Только тянется рукой к ободку в виде заячьих ушек, что, видимо, должен исполнять роль кокошника во всем этом фарсе.

– Нет-нет, оставь, – приказываю негромко не снимать сомнительное украшение. Отчего-то хочется проучить глупую. – Тебе идет, Зайкина.

Глава 3

Официально заявляю: я ненавижу нашего нового босса, Тихонова Константина Анатольевича! Да чтоб он под землю провалился со своими экскурсиями и язвительными замечаниями – там ему самое место!

Конечно, встреча нового начальства прошла хуже не придумаешь, но издеваться над подчиненными – это не по-мужски. Тем более заставлять несчастную сотрудницу ходить по заводу в ободке, больше подходящим для журнала в стиле плейбой, на потеху всем остальным.

А еще это его рокочуще-угрожающее: «вы допрыгаетесь, Зайкина!» – так и зудит в голове. Терпеть не могу свою дурацкую фамилию! Я так радовалась, когда выходила замуж за Лепешкина, что больше не буду этой уничижительно звучащей Зайкиной. Глупая… После развода, конечно, снова взяла свою. Не хочу, чтобы меня хоть что-то связывало с мерзавцем бывшим!

Одно радует, производственные помещения Тихонов обещал проинспектировать без меня – видимо не гожусь я на что-то серьезное. Так что мне достался только административный корпус, где мы все и трудимся.

Столовая босса не впечатлила. Как и коридоры, застеленные стареньким линолеумом – потому что все средства шли на модернизацию цехов и рекламу. Как и санузлы, кабинеты и прочее-прочее-прочее. Я вообще думаю, что он затеял эту экскурсию лишь с одной целью – навести дополнительно ужаса на подчиненных.

А мы и так трясемся осиновыми листами – кому ж охота внезапно лишиться рабочего места. У всех ипотеки, кредиты, дети, пожилые родственники, да и просто в аптеку сейчас зайти – по стоимости как на месяц продуктами затариться. Особенно сильно народ начинает нервничать, когда кто-нибудь из свиты Тихонова записывает что-то с многозначительным видом в планшет или шепчет Константину Анатольевичу на ухо.

Зато, к счастью, на мой нелепый ободок почти никто не обращает внимания. Мрачная аура нового босса затмевает собой даже это плюшевое безобразие.

Под конец экскурсии Константин Анатольевич так удручен нашим заводом, что даже начинает покашливать. Не иначе как от пыли, воображаемой, конечно же. Потому что наша уборщица, теть Катя, дело свое знает и никогда не отлынивает. Помещения у нас хоть и старенькие, но чистые.

– Жду не дождусь, когда смогу оценить твое рабочее место, Зайкина, – ехидничает Тихонов.

Наверняка желает сцедить яд разочарования новым приобретением. А тут я под рукой, зарекомендовавшая себя… не в самом лучшем свете. Все стараниями Ираиды Павловны, чтоб ей икалось до конца недели!

– Уже почти дошли, – я еле сдерживаюсь, но все-таки выдаю кривую улыбку. Она должна служить проявлением вежливости и почтения, но лишь выдает мое неважное эмоциональное состояние. Но а на что рассчитывал этот босс? Любить его никто не обещал… – Вот тут, за углом.

– Что-то душно у вас, – заявляет вдруг Константин Анатольевич. Ослабляет узел галстука и расстегивает верхние пуговицы на черной, как мои перспективы, рубашке. – Дышать совсем нечем.

Вообще-то он не прав, помещения кондиционируются замечательно. Даже я со своим лишним весом не чувствую жары. Еще страннее то, что босс объявляет перерыв и отпускает свиту. Я бы занервничала, но, во-первых, кабинет я делю еще с двумя маркетологами, так что остаться наедине с Тихоновым мне не грозит, а во-вторых, вряд ли такая, как я, сможет

заинтересовать такого мужчину, как Константин. Я даже своего мужа удержать не смогла, что уж там.

Раскоровела – как выразился бывший благоверный. Запустила себя и перестала быть хоть сколько-нибудь привлекательной. Так что он себе быстро нашел кого посимпатичнее. И помоложе. Хотя мне до милфы, как модно сейчас говорить, тоже далеко. Двадцать пять – возраст, когда мужчинам вовсю кружат головы и наслаждаются вниманием. А я располневшая молодая мать, думающая только о том, как бы наскрести на ипотеку и не пойти по миру.

Хорошо хоть мама, пенсионерка, согласилась с Андрюшкой сидеть и дала мне возможность выйти на работу. Которую, к слову, я рискую вот-вот потерять.

– А где все? – Тихонов с недоумением оглядывает пустой кабинет. Только два из трех компьютера жужжат, да офисные кресла скучают в ожидании хозяев.

Босс хмурится, пыхтит, как паровоз. Я проглатываю едкое замечание. Вроде далеко не старый, хоть и заметно старше меня, а так запыхался. Интересно, у него с самого начала были такие пухлые губы или он их с досады искусал?

– Наверняка караваем угощаются, – быстро нахожусь с ответом. Пусть и не самым изящным. – За ваше здоровье, вы же сами распорядились, – иглазами так невинно хлопаю. Сейчас наверняка вхолостую, но раньше это работало.

Вообще, мои коллеги ходят разве что в курилку или на кухню, чаю налить. А может сплетничают где – повод-то более чем будоражащий. Так что я абсолютно уверена, они скоро вернутся.

Босс сурово скалится.

– Тогда показывай, Зайкина, чем ты занимаешься. Будешь отдуваться за всех.

«Как обычно» – проглатываю едкое замечание. Молча включаю рабочий компьютер, ввожу пароль. Открываю последнюю презентацию по детскому фруктовому кефиру, отчет по анализу рынка.

– На данный момент мы тестируем… – я поворачиваюсь к боссу и замолкаю на полуслове.

Кто подменил мрачного красавчика Тихонова? Куда делись резкие черты сурового лица? Передо мной в костюме босса с развязанным галстуком стоит покусанный пчелами китаец. Губы-пельмени, одутловатое круглое лицо, как у спившегося бомжа, полностью закрытые глаза с надутыми подушками век.

Жуть!

– З-з-з, – свистит он, явно пытаясь обратиться по фамилии и пригрозить, что я допрыгаюсь.

Глава 4

– Что с вами? – взвизгиваю испуганно и во все глаза таращусь на босса. Он похож на алкаша с ветеранским стажем, но ведь нельзя спиться за те пару минут, что я настраивала компьютер. Да и нет у меня в кабинете ничего спиртного… – Константин Анатольевич… – зову.

Страшно! В голову лезут нелепые мысли про зомби и апокалипсис, а еще про отделение полиции, куда меня непременно загребут, если новый босс откинется, пока мы наедине. У нас же как – был бы человек, а статья всегда найдется! И не посмотрят, что у меня маленький сын…

– Аллергия… – панические мысли прерывает слабое сипение Тихонова.

Даже не сразу получается сообразить, о чем это он.

– Что? Аллергия? – подскакиваю на месте. – Мамочки! – хватаюсь за щеки. Они горят.

Это же очень опасно! Вплоть до отека Квинке и летального исхода. А этот самый отек, судя по жуткой внешности босса, только набирает обороты.

Пару мгновений беспомощно мечусь по кабинету, не зная, что делать и за что хвататься. Но вдруг Константин Анатольевич с силой берет меня за плечи и встряхивает. Так ощутимо, что мозги сразу встают на место и начинают соображать.

– З-зайкина! – строго свистит он, даже в такой ситуации умудряясь оставаться грозным боссом.

– Да! – рапортую четко, как солдат. И лезу в свою объемную сумку. Как хорошо, что со вчера у меня там лежит пузырек с антигистаминным, который я купила для Андрюшки и забыла выложить. У сына пошла реакция на прикорм. – Вот! – демонстрирую бутылек шефу. Достаю из ящика чайную ложку и дрожащей рукой принимаюсь капать лекарство. – Откройте рот, это от аллергии! – приказываю строго.

К счастью, Тихонов не в том состоянии, чтобы возражать или отчитывать меня за отсутствие субординации. Шеф послушно глотает лекарство, а я хватаю его под поясницу и помогаю присесть.

На ощупь Константин Анатольевич… каменный. Скала! Под пиджаком и рубашкой прощупываются стальные мышцы – похоже, в этом человеке нет ни единой мягкой черты. Начиная со всегда сурового лица и заканчивая несгибаемым характером. Ну и тип! И не повезло же нашему заводу попасть в его лапы. Точнее – заводу-то повезло, а вот персоналу…

Лекарство действует довольно быстро. Сначала отек сходит с губ, возвращая им нормальную форму и размер, потом у босса раскрываются глаза. И тут же в меня летит прожигающий до костей взгляд.

– Зайкина! – все-таки рявкает Тихонов моей фамилией. – Ты угробить меня решила?

Подпрыгиваю на стуле, который поставила напротив босса, чтобы внимательно следить за его состоянием и не упустить ухудшения в случае чего. Сердце начинает колотиться так сильно и быстро, что я боюсь, как бы у меня не начала подпрыгивать грудь в такт главному органу. Кладу сверху ладонь.

Темный взгляд Тихонова внимательно отслеживает каждое мое движение и останавливается в районе декольте. Босс предупреждающе прищуривается.

– Да почему сразу я? – не сдерживаю возмущения. Вот прикопался же! – Я вообще ничего такого не сделала!

– Да потому, – передразнивает меня гад… то есть босс, – что именно ты угощала меня пирогом. В котором был мед! Только на него у меня такая зверская аллергия, Зайкина.

– Но я же не знала, – пищу виновато. А что тут скажешь? Хорошо встретила босса. Он такую встречу вовек не забудет! – Может, скорую? – предлагаю с надеждой. Ну вдруг мне в

кои-то веки повезет, и Тихонов уедет с мигалками поправлять здоровье, оставив тут нас всех в покое?

К сожалению, очередной обжигающий взгляд босса безмолвно сообщает, что еще одно столь же неуместное предложение, и бригада понадобится уже мне.

***

Константин

Отвратительный день! Мало мне захудалого завода, перепуганных работников и самого нелепого каравая в довесок с аллергией, так еще и прелести Маруси Зайкиной преследуют до самого вечера. Стоит только прикрыть глаза или задуматься о чем-то, как аппетитная картинка встает перед глазами.

Ну а как иначе, если она весь день в меня ими так старательно тыкала! То дышать глубоко и часто начинала, то руки словно невзначай на самый вырез пристраивала. Ни за что не поверю, что Зайкина не знала, какой эффект производит.

Но даже ее сладким формам не удается затмить телефонный звонок, настигший меня вечером. Ведь знаю же, что с хорошими новостями в такое время не звонят, и все равно отвечаю на вызов:

– Да.

– Константин! – приветствует трубка суховатым и резким голосом бабушки.

– Софья Павловна! – стараюсь звучать приветливо, но не выходит. Надо признать, с ближайшей родственницей отношения у меня сложились более чем прохладные. Она так и не смогла принять моего отца, сломавшего жизнь ее дочери, а я не вывез аристократичной интеллигентности и как только позволил возраст свалил из Питера к отцу. Видимо, пошел в него, плебея и откровенного бандита. – Рад слышать. Вы уже вернулись из Италии? – да-да, с бабулей, заслуженным историком, только на «вы». Так меня с детства научили. – Как ваше здоровье?

– Прекрати паясничать, Константин, тебе не идет, – сухо отчитывает в ответ. – Я звоню сказать, что завтра вечером прилетаю к тебе, будь любезен встретить. Надеюсь, эта малая просьба тебя не затруднит, – последнее конечно же не вопрос.

Издаю мысленный стон, который в моей голове звучит не слабее истребителя, и мечтаю только об одном: как можно скорее оказаться на молочном заводе и забыться в компании… Зайкиных прелестей.

Глава 5

Тихонов сегодня какой-то особенно мрачный. Вроде и не орет, но как зыркнет из-под темных густых бровей, так все и трясутся от страха. Даже Ираида Павловна не высовывается и дурацкими идеями по ублажению нового босса не фонтанирует.

От греха подальше я утром выбрала закрытую водолазку из старых, добеременных запасов и брюки со стрелками. Она, конечно, обтянула мой выдающийся бюст, как вторая очень тонкая кожа, но все же это в разы лучше, чем когда молочные полушария торчат из выреза блузки. Ну что ж я могу поделать, если природа вот так подгади… м-м-м… наградила. Работаю с тем, что есть!

А вот Константин Анатольевич, кажется, не заценил. Наоборот, во время утренней летучки его взгляд, безошибочно выцепивший меня в толпе, еще мрачнее стал. И чем я ему на этот раз не угодила? Одета скромнее некуда, сижу в третьем ряду, не выпячиваясь.

– Сегодня я со своей командой продолжу инспектировать работу отделов, чтобы потом выбрать наиболее эффективную стратегию по выводу завода из кризиса. Но первое, что я готов ввести уже сейчас, это строгий дресс-код, – снова многозначительный взгляд в мою сторону. Да что ж я этому гаду покоя все никак не даю? – Именно с внешнего вида начинается дисциплина. А без нее, как известно, не прийти к высоким показателям. Мои помощники проработают этот вопрос и чуть позже опубликуют новые правила. Вопросы есть?

Конечно же, вопросов после такого выступления ни у кого не возникает. А даже если и возникает, то нет таких смельчаков, чтобы их озвучить – работа всем дорога. Тихонов, еще раз окинув понурый народ многозначительным взглядом, заканчивает собрание, и мы потихоньку расходимся.

Я тоже выдыхаю с некоторым облегчением – все-таки аура у босса настолько тяжелая, что практически невыносимая. Бочком двигаюсь к заветной двери, стараясь выглядеть как можно неприметнее. Ага, не с моей комплекцией. И, видимо, не с сегодняшним нарядом. Мужики, почему-то таращатся еще сильнее, чем вчера. Поди пойми их! Разве может наглухо закрытая водолазка, пусть и в обтяжку, будоражить сильнее, чем самый смелый вырез на блузке?

Буквально пара шагов мне остается до вожделенной свободы, как вдруг громогласно раздается голос Константина Анатольевича:

– Зайкина!

Подпрыгиваю на месте и умудряюсь повернуться лицом к начальству прямо в полете. Сердце колотится как сумасшедшее, и мне приходится положить ладонь на грудь, чтобы хоть так его успокоить. Вот угораздило же попасться боссу на глаза!

– Да, Константин Анатольевич? – заставляю губы растянуться в улыбке. Хотя меня так неплохо потряхивает и хочется спрятаться уже за своим компьютером, налить чайку с бергамотом и закусить стресс шоколадочкой, припрятанной в верхнем ящике рабочего стола. Должны же быть у одинокой кормящей матери свои маленькие радости.

Еще и Ираида Павловна пасется рядом с Тихоновым – видимо за должность переживает – и прожигает меня предупредительно-ненавидящим взглядом. А ей-то я чем не угодила? Сама же меня вытолкнула вчера нового босса встречать и выставила в дурацком свете!

– Кофе мне сделай, – бросает небрежно, отворачиваясь к какому-то мужчине. Сегодня у него в свите всего два помощника.

Давлюсь возмущением, вспоминаю про платеж по ипотеке и, покладисто кивнув, иду на кухню. Внутри все кипит. Сама не понимаю, почему так ярко реагирую на Тихонова и все его закидоны, но успокоиться не могу.

Включаю кофемашину, ставлю кружку. Мелькает, признаться, мыслишка, бахнуть наглецу растворимого и навести несъедобной бурды, но потом все-таки рассудительность берет

верх. Начальство нужно ублажать и всячески задабривать, поэтому делаю американо, достаю из общего холодильника порционные сливки, кладу пару пакетиков с сахаром. И уж совсем необъяснимое – иду к себе в кабинет, достаю заветную шоколадку и вместе с кофе несу ее Тихонову.

Видать, я сошла с ума! Или во всем стресс от общения с новым боссом виноват.

Поразмыслить об этом не успеваю. Прямо в коридоре меня ловит Дворецкая. Улыбается холодно, а за предплечье хватает больно – будто акула вцепилась. Терплю и стараюсь не уронить начальников кофе.

– Высоко метишь, девочка, – цедит она. – Но рыбка тебе не по зубам, подавишься. На такую, как ты, Тихонов даже с голодухи не глянет. А у него, уверена, от девиц отбоя нет. Таких, что не чета тебе, родившей тетюхе. Так что поумерь свой пыл, Маруся. Константин рано или поздно уйдет, а мы останемся. Не стоит так рьяно выслуживаться и отбиваться от коллектива, – высказавшись, Ираида плывет дальше по коридору, а мне требуется пара минут на осмысление.

Она меня только что обвинила в том, что я подкатываю к шефу? Серьезно? Ираида Павловна сама же всучила мне тот дебильный каравай и блузку расстегнула! Добивалась внимания шефа. А теперь, добившись, осуждает. Когда этот мир успел перевернуться с ног на голову?

Медленно выдыхаю, считаю до пятнадцати и возобновляю путь к кабинету босса.

Тихонов уже работает за ноутбуком. Как ни странно один, без своих исполнительных миньонов.

– Долго, – вместо благодарности говорит мне и снова утыкается в монитор.

Сам бы пообщался с Дворецкой, я бы посмотрела, как у него быстро получилось. Хорошо хоть вообще кофе переделывать не пришлось. Пристраиваю поднос на стол рядом с боссом.

– Сахар, сливки? – интересуюсь мило. Почти как стюардесса в бизнес-классе.

Наверное, Константин Анатольевич чует подвох. Поднимает на меня взгляд, правда, предварительно задержавшись на пару мгновений в районе натянувшей водолазку груди.

– Только сливки, сахар не надо, – мне чудится, что его голос хрипит.

Как будто сел немного в моем присутствии. И от собственных фантазий меня вдруг начинает потряхивать. Я неудачно дергаю за фольгу от порционных сливок, и густая белая жижа летит прямиком на дорогущие брюки босса. Оседает некрасивыми разрозненными пятнами вокруг ширинки.

Я обмираю от ужаса, кажется, даже сердце колотиться совсем перестает. Мамочки, что я наделала!

– Зайкина! – рявкает босс.

Глава 6

– Я допрыгаюсь? – заканчиваю обреченно фразу босса, ставшую чуть ли не крылатой. Тот лишь зубы сильнее сцепляет. Пялимся оба на жирные пятна, еще не успевшие впитаться в дорогую, идеально отутюженную ткань. – Я сейчас все исправлю! Брюки как новенькие будут, даже лучше! – начинаю тараторить. Выхватываю пару салфеток из упаковки, стоящей на столе, и принимаюсь суетливо оттирать сливки. – Сейчас-сейчас, еще чуть-чуть. Вот уже почти ничего и не заметно, – приговариваю.

И резко замолкаю. Потому что бугор на боссовской ширинке растет как на дрожжах. Да ему туда словно палку докторской запихнули! «Мамочки!» – опаляет вдруг осознание. Горло перехватывает спазмом от слишком резкого вдоха, и я закашливаюсь. Краснею, на глазах выступают слезы.

И будто мне мало этого кошмара, дверь в кабинет Тихонова распахивается, превращая и без того ужасную ситуацию в откровенно катастрофическую. От неожиданности я распрямляюсь, выныривая из-за стола и наталкиваюсь на ошалелый взгляд Ираиды Павловны. Ее сухие тонкие губы поджимаются, превращаясь в ниточку, глаза прищуриваются, расстреливая как из лазеров.

Готова поспорить, старая грымза все подметила: и мое красное лицо, и запыхавшееся дыхание, и слезы, хлынувшие из глаз, когда я кашляла.

Немая сцена, повисшая в кабинете, уверена, достойна лучших постановок Ревизора.

– Я попозже загляну, – наконец прерывает Дворецкая это сюр. И хорошо, потому что я, например, не в силах вымолвить ни слова. – Вы не отвлекайтесь, – добавляет потом и исчезает вместе со щелчком закрывшейся двери.

Молчу. Сглатываю гигантский ком в горле и боюсь даже посмотреть на Константина.

– Зайкина-а-а! – ревет он медведем, пока я трясусь, кусаю губы и страшась услышать продолжение. – Вы допрыгаетесь!

«И хорошо!» – успокаиваю я себя мысленно. Потому что, если бы уже допрыгалась, было бы гораздо хуже. Логично?

– А вы меня уволить не можете! – Мой рот, окончательно потеряв всякую связь с ушедшим в нокаут мозгом, несет что ни попадя. – У меня ребенку еще трех лет нету! – это я на досуге, впечатлившись Тихоновым, читала трудовой кодекс, вот и выдала порцию приобретенных знаний. Ох, лучше б мне в его присутствии вообще рот не открывать! Каждая новая попытка только хуже делает… – Мне пора работать, до свидания, – пищу и натурально сбегаю из кабинета босса, оставив того с мокрыми штанами, бурлящим внутри гневом и… вздувшейся ширинкой.

К себе в кабинет влетаю так, словно позади стая волков мчится.

– Тебя преследуют? – хмыкает Илья, наш самый молодой маркетолог.

Только после колледжа – кто-то из родственников пристроил парня без опыта работы. С нагрузкой он, конечно, справляется, но в общении нам тяжело. Мы словно с разных планет, хоть я и не сильно старше. Удивительно, что чувствую себя едва ли не человеком другого поколения. Хотя, если учесть короткое замужество, ребенка, развод, то я и в самом деле как будто на жизнь старше.

– Не уверена, но лучше мне исчезнуть на время, – запыхавшись, говорю чистую правду.

Вот бы спрятаться куда-нибудь на недельку-две, пока Тихонов не остынет или вовсе не забросит наш завод. Больничный что ли взять? Еще бы платили за него столько же. А то слезы в конце месяца получу, и будем перебиваться с хлеба на воду.

Илья вдруг разворачивается всем корпусом ко мне. Играет бровями.

– Если надо где-то перекантоваться, моя конура всегда в твоем распоряжении, Маруся, – говорит мне низким голосом.

С пару секунд пялюсь на молодого коллегу в непонимании, а потом до меня медленно начинает доходить. Похоже, Котов вздумал ко мне подкатить. Но с чего вообще? Неужели так впечатлился моим вчерашним видом и плюшевыми ушками? Так я на такое не то что любоваться не стала, бежала бы как можно дальше!

Все-таки мужчины странные существа…

– Если только ты хорошо переносишь детский плач по ночам, – киваю серьезно. – Мой маленький сын может раз пять проснуться от голода.

При упоминании ребенка Илья мгновенно меняется в лице. Что и требовалось доказать.

– Не, ну это, – мнется коллега, явно пытаясь найти повод дать заднюю без репутационных потерь. Было бы даже забавно, не находись я сама практически в отчаянии. – Ребенку у меня нельзя. Тесно, не убрано и вода в кране только холодная. Да! – Ильюха наконец подбирает приличный аргумент. Быстро теряет ко мне интерес и утыкается с самым сосредоточенным видом в экран компьютера.

– Не обращай внимания, Мария, – подает вдруг голос Игорь Петрович, наш третий маркетолог. Он лет на десять старше меня, женат и вполне счастлив. Во всяком случае я так полагала до этого момента. – Молодые ребята не могут в полной мере оценить настоящую женщину. Боятся детей, хотя, как известно, чужих детей не бывает. Так что если понадобится помощь, не важно какая, не стесняйся. Обращайся в любой момент. Такой красавице, как ты, состоявшийся мужчина с радостью бросится на помощь.

Ошарашенно хлопаю глазами. И этот ко мне подкатывает? Или я на стрессе от общения с боссом уже тихонечко крышей еду?

– Спасибо, – киваю осторожно и беру пример с Ильи, а именно – делаю вид, что очень занята работой.

Хотя, конечно, в голове полный винегрет, и до самого вечера пользы родному заводу я приношу чуть меньше чем ноль. Теряю важные файлы, забываю сохранить изменения, путаю данные в рекламных кампаниях… До самого вечера сижу за монитором, имитируя бурную деятельность и стараюсь не нанести непоправимый урон. Даже на обед не хожу, лишь бы не попасться на глаза Константину Анатольевичу.

А вечером меня ждет еще одна встряска.

– Маша! – нагоняет возле выхода Игорь Петрович. Зачем-то приобнимает за талию и шепчет игриво на ушко: – Позволь, я тебя до дома подвезу?

Пока я широко распахиваю рот, как рыба, выброшенная на берег, в полной дезориентации, на весь холл звучит сердито-строгое:

– Зайкина!

Глава 7

Вжимаю голову в плечи. Потому что только один человек на свете может столь устрашающе реветь моей фамилией. Да что ж они все взялись слетаться на меня, как мухи на… мед? У Тихонова-то и вовсе на продукт пчеловодства аллергия! А все туда же…

Зато хоть один плюс есть от столь пристального внимания начальства – Игоря Петровича от меня словно ветром сдувает.

– Завтра увидимся, Машенька, – спешно бросает он мне почти на ухо и натурально сбегает.

«А как же помощь в любой момент?» – так и тянет крикнуть в удаляющуюся спину. Или все-таки Игорь не тот состоявшийся мужчина, об образе которого совсем недавно вещал? Вот и пойми этот сильный пол.

Зато стремительным шагом ко мне подходит Константин Анатольевич. Глаза совсем темные, сверкают гневом, словно я его матушку страшно оскорбила, ноздри прямого красивого носа трепещут, зубы едва не скрипят.

– Я сам тебя довезу, – ставит перед фактом. И добавляет язвительно, давая понять, что все прекрасно расслышал: – Машенька.

– Мария Борисовна, – поправляю твердо. Не собираюсь позволять всем вокруг панибратствовать. Уж лучше пусть Зайкиной зовет и угрожает, чем это издевательски-ласкательное «Машенька». Да и на Машеньку я, признаться, давно уже не похожа, не тот размер. А вот на Марию – вполне.

– Маруся, – принимается вдруг торговаться босс. А взгляд так и сверкает предупреждением: «И только посмей возразить, мой обладатель сейчас не в том расположении духа!»

– Да чем вам «Зайкина» не угодила? – я практически сдаюсь. В самом деле, спорить с боссом – гиблое дело. Босс – как клиент: всегда прав! Даже если и не прав.

Тихонов медленно окидывает меня взглядом. От кончиков удобных офисных туфель до ворота той самой закрытой водолазки. Потом, чуть задержавшись на губах, останавливается на глазах. А у меня в эти долгие мгновения электрический ток начинает по венам курсировать вместо крови. Вот чего он так пялится, спрашивается? Тоже, как сбежавший муженек, оценивает, насколько сильно меня после родов разнесло?

– Зайкина… – низко рокочет он, – меня всем устраивает. А теперь Зайкиной следует молча сесть в машину и позволить отвезти ее до дома. Спорить со мной не советую, потому что мне предстоит о-о-очень тяжелый вечер. И чтобы его пережить самому и никого не убить, мне нужно как следует успокоиться.

– Вагоны что ли грузить будете? – брякаю я. Захлопываю рот, коря себя за слишком длинный язык. И удивляюсь, когда босс вместо того, чтобы рявкнуть что-нибудь устрашающее, отвечает просто и в то же время мрачно:

–Хуже.

***

Константин

Сам не понял, как так вышло, что присутствие этой ненормальной Зайкиной меня вдруг начало успокаивать. Но пока везу ее до дома, в машине уютно пахнет ванилью и фруктами, негромко бренчит музыка, которая в кои-то веки не раздражает, и даже моросящий дождь навевает не уныние, а безмятежность.

Маруся, она же Мария Борисовна старательно смотрит в окно, с одной стороны явно отгораживаясь от меня, а с другой – выполняя приказ: молчать и не спорить. Но пальчики с аккуратным маникюром теребят ремешок видавшей виды сумки, выдавая истинное состояние

хозяйки. Зайкина явно нервничает в моем присутствии. Боится, что начну приставать? Или просто не привыкла с посторонними мужиками кататься?

– Зайкина, эта поездка ни к чему тебя не обязывает, – хмыкаю в попытке успокоить барышню.

Психолог из меня так себе. Потому что пальчики на пару мгновений замирают, а потом снова начинают трепетать. Красивые такие, ладные, без единого колечка или украшения. С миндалевидными ногтевыми пластинами, покрытыми прозрачным лаком. А не эти сюрреалистичные когти, которые сейчас предпочитают женщины. Залипаю на Зайкиных эталонных руках, пока какой-то осел позади не начинает сигналить неистово.

Маруся бросает на меня встревоженный взгляд. Очень хочется выдать что-то приободряющее, но я молчу. Очевидно, чувства и тонкость – не моя тема. Я привык командовать и управлять. Да и неоткуда было взяться иному. Отец – человек довольно замкнутый, я по пальцам могу пересчитать, сколько раз мы с ним обнимались. Собственно, мужикам все эти нежности особо и не свойственны.

Мама слишком давно умерла, чтобы я помнил, что это такое: человеческое тепло. А бабушка, которая меня воспитывала до окончания школы, ассоциируется только с одним: столетним сухарем.

Именно ее мне предстоит встречать через пару часов. Софья Павловна изволили навестить единственного внука. Без приглашения, понятное дело, но госпожа Ровенталь никогда бы не стала профессором главного ВУЗа города, если бы каждый раз спрашивала разрешения.

Мне остается только стиснуть зубы и постараться как можно скорее выпроводить старушку. Потому что отец крепко вбил в голову, что пожилых людей следует почитать. А именно: не определять в дом престарелых, не выгонять на улицу и по мере возможности выслушивать телефонный треп. Это тот максимум, на который меня хватает в общении с Софьей Павловной.

Возле подъезда Зайкина выпрыгивает из моей тачки, будто я сожрать ее обещал. Бурчит что-то невнятное на прощание. Вдыхаю полной грудью пропитанный ванилью воздух, словно затариваясь им на ближайшие трудные часы, и еду в аэропорт встречать рейс из Питера.

Хотелось бы послать на это дело кого-нибудь из помощников, но бабушка мне все мозги методично выклюет за подобное. Не знаю, как ее студенты и аспиранты, а я от нудных, долгих лекций Софьи Павловны убиться головой об стену готов.

Паркуюсь у входа в вип-зал. Конечно, бабушка путешествует самым комфортабельным образом. И не потому, что профессорам у нас столько платят, а потому что ее непутевый внук полностью оплачивает все банковские счета. Считайте это такой компенсацией за побег к отцу после окончания школы и непереносимость тесного общения.

Госпожа Ровенталь выделяется даже здесь. Высокая, сухопарая, с осанкой настолько прямой, что можно заподозрить аристократические корни в ее крови. Прическа волосок к волоску, старомодные туфли и ридикюль в узловатых руках. В ней ничего душевного – один лишь стальной стержень, заусенцы которого царапают не хуже колючей проволоки.

А рядом с ней стоит почти точная ее копия, только лет на пятьдесят моложе. Худосочная блондинка с зализанными в простую прическу волосами. Коричневая юбка ниже колена, кардиган с жемчужными пуговицами и да, ридикюль.

Хмурюсь невольно – этот слом матрицы мне уже не нравится. А меньше, чем через минуту, мои самые худшие прогнозы подтверждаются:

– Не буду ходить вокруг да около, Константин, – вместо приветствия холодно объявляет бабушка. – Я привезла тебе невесту.

Глава 8

Константин

От люкса в лучшей гостинице города дамы, понятное дело, отказались. Видимо, в том, чтобы жених и невеста жили под одной крышей до росписи, Софья Павловна ничего предосудительного не видит. И в какой-то степени я ее решение понимаю.

В самом деле, заселись бабушка с протеже в отель, и доступ к жениху будет ограничен его доброй волей. А ее, гарантирую, хватило бы не более чем на пару встреч, причем последняя случилась бы в аэропорту при посадке дам на обратный рейс. Так что пришлось, стиснув зубы, уступить Софье Павловне. Не спорить же с пожилым человеком, как и не оставлять на улице – даже погода, извергнув тонну осадков, словно против меня.

У себя в машине старательно пытаюсь уловить хоть слабые отголоски ванили, чтобы немного приглушить раздражение. Но весь салон забит тяжелым, резким парфюмом с удушающими нотами ладана и гвоздики, которому госпожа Ровенталь не изменяет, сколько себя помню. Похоже, приточную вентиляцию в доме придется выкрутить на максимум, в противном случае я рискую попросту задохнуться.

– Располагайтесь, дамы, – помогаю гостьям пройти внутрь дома, пока охрана вынимает из багажника чемоданы.

Бабушка еще ни разу за столько лет не была у меня в гостях. Сперва, когда я жил с отцом, из принципа игнорировала, лишь изредка посылая смс и давая понять, что считает меня предателем. А потом уже я особо не рвался к общению. И вот теперь Софья Павловна Ровенталь здесь, горит желанием женить меня на своей точной копии. Где ж я так сильно нагрешить-то успел, а?

Домоправительница показывает дамам гостевые комнаты, я же, бросив короткое «До завтра», скрываюсь у себя. На этом мое гостеприимство, как и терпение заканчивается.

А перед тем, как уснуть, на самой границе сна и яви, вижу чудное видение. Зайкина, позволив лежать у нее затылком на коленях, нависает во всей красе над моим лицом и гладит по волосам, приговаривая успокаивающе: все будет хорошо, Костя, я им тебя не отдам…

Утро встречает двумя безэмоциональными лицами: Софьи Павловны и Марианны Васильевны, ее ученицы. Завтрак превращается в пытку. Скрежещут по фарфору ножи из шеффилдской стали, едва слышно брякают вилки. Я словно переношусь на десятки лет назад, где профессор Ровенталь муштровала нас с мамой, приучая к этикету. Методы ее были суровее, чем зима в Воркуте. Наверное, поэтому меня до сих пор воротит от манер, политесов и высшего общества.

К счастью, ничто не длится вечно, вот и этот ужасный прием пищи заканчивается. Лично я смог запихнуть в себя полчашки капучино, так что на работу придется ехать голодным.

«Ничего, Зайкину отправлю в ближайшую кофейню за беляшами» – одна эта мысль греет и хоть немного поднимает настроение.

А вот дамы ничем не побрезговали: и яйца-пашот, и тосты с авокадо и красной рыбой, и даже бланманже, от одного вида которого меня натурально воротит, пришлись им по вкусу.

– Рада видеть, что хотя бы питаешься ты сносно, – роняет дорогая бабуля, аккуратно промокнув губы льняной салфеткой. – Особенно для великовозрастного холостяка. Значит, не все мои уроки прошли даром.

«Так, походу, настало время нравоучений…» – давлю мысленный вздох, но на физиономии лишь вежливый интерес. Реплика Софьи Павловны не подразумевает обязательного ответа, так что пока молчу – риск ляпнуть лишнее не настолько велик.

Госпожа Ровенталь выжидает ровно положенное время, а после, осознав, что свою реплику я предпочел пропустить, продолжает:

– Через неделю будет двадцать пять лет, как твоей матери нет с нами, – ее голос такой же твердый и отстраненный, как будто тема разговора вообще никак не влияет на железную леди Софью.

С точно такими же интонациями она может говорить о погоде или о выставке картин, которую недавно посетила. А вот я внутренне дрогнул. Мать – для каждого святое, и я свою продолжаю любить, несмотря на прошедшие годы. Одного никак в толк взять не могу – при чем тут годовщина?

– Я помню, – осторожно киваю. Хрипотца в голосе, которую я не в силах в данный момент контролировать, выдает мое состояние с потрохами.

– А я помню, – парирует Софья Павловна с металлическим нажимом истинного профессора, – как обещала ей вырастить из тебя достойного человека. Но пока все, что ты делаешь достойно – это саботируешь мои старания. Я вложила в тебя все, что могла, Константин, и где это все? Я не требую горячей благодарности, но жить подобающе своей фамилии ты обязан!

– Моя фамилия – Тихонов, – напоминаю глухо.

Уверен, бабушка не забыла. Да и не забудет никогда Ровенталь об очередном предательстве неблагодарного внука, ведь я сменил фамилию на отцовскую аккурат в восемнадцать лет.

– Да хоть Бабуинов, – спокойно отвечает Софья Павловна. – Ты урожденный Ровенталь, и хоть как обзовись, быть частью нашей семьи не перестаешь. А этот твой подростковый бунт давно уже пора перерасти. Не к лицу он, Костя, взрослому мужчине.

– И что же, по-вашему, Софья Павловна, мне к лицу? – я почти закипаю. Хоть и умудряюсь произнести последнюю фразу отстраненно. Ни за что не позволю себе потерять лицо перед этим куском стали под личиной пожилой женщины.

– В твоем возрасте приличному мужчине к лицу достойная супруга и семья, – как ни в чем ни бывало продолжает бабушка. Вот у всех парней в детстве были нормальные старушки, с пирожками и вязаными носками, а мне достался Сталин в юбке! – И я как раз о такой позаботилась. Марианна Тубецкая к своим тридцати успела получить степень кандидата наук и зарекомендовать себя грамотным и перспективным ученым. К тому же Марианна из прекрасной семьи с богатой историей и благородными корнями. Лучше женщины ты для себя не найдешь.

– Спасибо, Софья Павловна, – я бросаю салфетку на стол и поднимаюсь. Хватит с меня этого сюрра! – Есть только одна проблема: жениться я вовсе не собираюсь. И как вы планируете провернуть обратное, не представляю. Хорошего дня, дамы, – киваю обеим и наконец покидаю столовую.

– Я отсюда никуда не уеду, Константин, пока у тебя не появится штамп в паспорте, – летит мне металлическое в спину.

Глава 9

День не задается с самого утра. Точнее – с ночи. Андрюшка плохо спит, постоянно плачет, и я уже не знаю, на что грешить: то ли на слишком рано лезущие зубки, то ли на колики, то ли на неведомые магнитные бури.

Огромная кружка кофе ни капли не помогает. Как и консилер не в состоянии справиться с темными кругами под глазами. Под утро сын безмятежно уснул, и я не бужу его для кормления. Сцеживаю молоко, оставляю бутылочку маме.

А вот перед шкафом с одеждой зависаю. Помимо мамских спортивок, джинсов и, уж простите эту смелую вольность, лосин, предметов гардероба у меня не так и много. Особенно тех, что до сих пор налезают на меня. Блузку я точно больше никогда в жизни не надену, водолазка тоже отправляется в утиль.

Озадаченно и немного печально перебираю вешалки.

– Мало. Мало. Не подходит для офиса, – бормочу, теряя всякую надежду.

И внезапно натыкаюсь на платье. Я его в беременность носила. Крой на запах, с поясочком, длина чуть ниже колена, правда цветочки могут показаться немного легкомысленными. Ну так пускай Тихонов зарплату повышает, чтобы сотрудникам было на что его строгий дресс-код соблюдать!

– Красавица! – цокает языком мама.

Бросаю взгляд в зеркало, висящие в коридоре, и недоумеваю: где она там хоть что-то приятное глазу разглядела?

– Ну да, как же… – ворчу беззлобно.

Мое новое тело после родов – все еще болезненная тема, хоть умом я и понимаю, что большинству женщин, ставших мамами, приходится распрощаться с девичьей легкостью.

Ма подходит, обнимает нежно и гладит по голове. А еще смотрит так ласково и с искренним восхищением и толикой мудрости.

– Ты изменилась, Марусь, стала другой, – говорит так тепло. – Но это не значит, что ты больше не привлекательная. Просто твоя красота теперь немного иного плана. Вот увидишь, ты еще встретишь мужчину, который сможет по достоинству тебя оценить, и тогда поверишь в себя и точно поймешь, о чем я сейчас говорю. И это весеннее платье тебе очень идет. Только вот, еще жемчужную нить давай пустим по вырезу. Она мне от бабушки досталась, теперь твоя будет. Мне-то носить некуда, а ты на работу ходишь, в коллектив. Наверняка у вас там водятся симпатичные мужчины, – ма игриво подмигивает, и меня на смех пробирает. Невозможно остаться равнодушной, когда тебя так настойчиво и по-доброму тормошат.

«Ох, мама, если бы ты только знала!» – прыскаю я мысленно и умалчиваю о том, как один суровый тип меня ввергает в ужас и вместе с тем отгоняет любых мужчин. Вот уж где точно не до любовных отношений – так это у нас на работе. Боюсь даже представить реакцию Тихонова, если он вдруг увидит обнимающуюся на рабочем месте парочку. Даже жаль тех гипотетических бедолаг…

– У нас одни женатые, мам, – отмахиваюсь. – А ты же знаешь, для меня это табу.

– Ну и ничего! Зато по пути на работу кого только не встретишь, – продолжает мама жизнерадостно. – Только курточку не застегивай наглухо и без шарфика сегодня иди – погода теплая, не простынешь. Грех ведь такую красоту скрывать! Ну все, давай, не переживай за нас, все хорошо будет.

До завода я добираюсь в прекрасном настроении. И вот уже мне чудится, что все вокруг улыбаются, а встреченные мужчины и правда глядят с интересом. Велика сила самовнушения!

Теплое солнышко просушило землю после вчерашнего дождя, не оставив от непогоды и следа. Птички весело щебечут, совсем юная листва шелестит, аккомпанируя пернатым. На работу захожу с чувством огромной любви ко всему миру. И тут же подпрыгиваю от резкого:

– Зайкина! – босс выпрыгивает чуть ли не из-за угла, как маньяк, честное слово! Специально меня поджидал что ли? Глаза совсем черные, лицо мрачное. Зато костюм для разнообразия темно-темно-серый и кипенно-белая рубашка. – Сколько можно тебя ждать? Ты почти опоздала, – с упреком.

– Еще раз так меня напугаете и вообще не дождетесь, – сердито фыркаю на начальника.

Откуда только смелость взялась, не знаю. Наверное, от стресса. Потому что ну сколько уже можно меня третировать? Что ему, других работников мало? Вон у нас ползавода по курилкам отирается, лучше б их шел шпынять.

– Допрыгаешься, – качает головой Константин Анатольевич. Но как-то буднично, без огонька. И вдруг «радует»: – Сегодня работаешь у меня в кабинете, – хватает меня за локоток и тащит. Видимо, в свое логово.

Ну вот, а мама про каких-то мужчин на работе твердила. Нет у нас таких, у нас только… бульдозеры!

– Я протестую! – пыхчу как паровоз и низенькими каблуками удобных туфель в наливной пол упираюсь.

Тщетно. Тихонов, похоже, даже не чувствует сопротивления. Хотя нет, что-то да замечает.

– Маруся… – рычит и кидает темный прожигающий взгляд. – Сегодня не тот день, когда можно устраивать бунт. Просто делай, что я тебе говорю, и все в порядке будет. У всех. А не будешь послушной девочкой, весь завод пожалеет. Ты же переживаешь за своих коллег? Не хочешь, чтобы кого-то уволили ни за что, м?

«Вот же гад!» – задыхаюсь от возмущения. Шантажировать меня вздумал! И, надо сказать, успешно. Потому как я выдергиваю свой локоть, демонстративно поправляю сбившееся на груди платье и капитулирую:

– Сама пойду. Но лучше бы сразу сказали, зачем я вам понадобилась.

– Мне от тебя кое-что нужно, Зайкина, – низко рокочет шеф, а его взгляд ныряет в мое только-только облагороженное декольте.

Глава 10

Ненадолго босс зависает. То ли с мыслями собирается, то ли… нет, это уж совсем непристойно – он не может плотоядно пялиться на мою грудь! Но я на всякий случай запахиваю накинутую джинсовку и руки сверху складываю.

– Константин Анатольевич? – поторапливаю начальство.

Тот отмирает и снова хватает меня за локоть. Тянет вслед за собой.

– Идем.

Приходится продолжать путь к неизвестности. И это, надо заметить, неслабо нервирует.

– Вы так и не сказали, зачем я вам, – напоминаю.

– Я голоден, – чуть ли не рычит Тихонов и снова бросает взгляд на мое декольте. Говорящий такой взгляд!

А меня холодный пот прошибает. Если учесть, куда совсем недавно босс так интенсивно пялился, выводы о том, какого рода голод он испытывает, сами собой напрашиваются. Неутешительные. И пугающие.

– Настолько голодны? – выпаливаю против воли.

То есть босс в таком отчаянном положении, что даже на МЕНЯ согласен? Нет, мама, конечно, утверждает, что я конфетка, но вряд ли большинство мужчин с ее мнением согласятся. Им же моделей подавай, стройных и чтоб везде гладеньких. А уж такой как Тихонов и подавно к самому лучшему привык.

– Ты даже не представляешь, – подтверждает мои самые худшие опасения босс. – С утра не позавтракал. Поэтому идем быстрее.

Не позавтракал? Это иносказание, да? Я всеми силами упираюсь, но Константин прет как танк. Тащит меня на буксире и даже не замечает тяжести – вот как желает поскорее «утолить голод»! Мной… Мамочки!

– Я против! – вскрикиваю нервно и рукой дергаю, пытаясь выпутаться. Еще стараюсь соблюдать хоть какие-то нормы приличия, но ситуация стремительно обращается катастрофой.

– А у тебя выбора нет, Зайкина. Или добровольно отдаешь мне то, что нужно, или бежишь покупать.

Покупать? О, нет! То есть, мой мрачный красавец босс и продажной любовью не брезгует. Вот же встряла я…

– Как? – переспрашиваю обалдело. Мой голос осип, выдавая шок, в котором я нахожусь. – Прямо во время рабочего дня?

– Ну я же начальник, могу отпустить тебя ненадолго. Для пользы дела, – кивает, нисколько не смущаясь, этот страшный человек. – Но я, если честно, предпочту то, что есть у тебя. Уверен, мне понравится больше, чем то, что продается за деньги.

И пока я в прострации хватаю ртом воздух, напоминая немую рыбу, Тихонов отпирает кабинет и вталкивает меня внутрь.

– Вы нарушаете закон, – совсем слабым голосом замечаю я. В глазах темнеет. Становится дурно от одной только мысли о том, что вот-вот произойдет в этом помещении.

– Не дури, Маруся. Просто дай мне то, о чем прошу, – продолжает настаивать гад. – Не так уж это и много… – а вот на этой фразе я, мертвецкой хваткой вцепившись в ручку сумки, как следует замахиваюсь и луплю прямо в ухо домогателю. Глаза босса в удивлении расширяются, стекленеют, а потом он выдыхает окончание фразы: – Всего лишь твой обед… – и валится кулем на пол.

– Какой обед? – взвизгиваю я. Но босс лежит пластом и признаков жизни не подает. – Какой такой обед? – требую громче. Опускаюсь на колени рядом с телом бездыханного шефа и

принимаюсь того тормошить. – Эй? – зову. К сожалению, бесполезно. Константин Анатольевич не откликается.

Мозг, все еще пронизанный паникой, пытается потихоньку соображать. И как-то так получается, что фразы про голод, покупку и прочее стыкуются больше с тем, что босс планировал отнять мой обед и съесть его вместо завтрака. А я, ненормальная, напридумывала. И кто тут из нас двоих извращенец?

– Константин Анатольевич? – легонько хлопаю его по щекам.

Это ж надо быть такой дурой, Зайкина! Это просто так он тебя уволить не мог из-за маленького ребенка, а за попытку убийства на рабочем месте – пожалуйста! И как теперь вымаливать прощение, не знаю…

Да что ж он никак в себя не приходит? Такой здоровый, а удар женской сумочкой не выдержал. Правда, у меня там сегодня молоток. Не потому, что я совсем ненормальная – просто пью гомеопатию, а ее обязательно нужно растолочь. Вот я и придумала способ.

Ну все, он точно при смерти, раз я его молотком…

Решаюсь на искусственное дыхание, хапаю ртом как можно больше воздуха и склоняюсь над лицом Тихонова. Такое безмятежное… Впервые вижу босса столь расслабленным. Ему даже идет, красивый он. Не давая себе возможности передумать, прижимаюсь к мужским губам своими. Они у Константина теплые и мягкие. Непривычные – я ведь до этого только с мужем целовалась.

Не успеваю выдохнуть воздух, как вдруг глаза босса резко распахиваются. Фокусируются на мне. Прищуриваются.

Меня как ветром с Тихонова сдувает. Слетаю вмиг с ожившего тела.

– Вижу, вам лучше, значит искусственное дыхание помогло, – хлопаю в ладоши. И тут меня осеняет гениальная идея, как выпутаться без потерь. Я выпаливаю уверенно: – Вы упали в голодный обморок. Что ж вы так, Константин Анатольевич? Надо беречь себя!

Босс, все это время молчавший, поднимается на ноги единым плавным движением. Как супер-солдат какой-то. И только глаза его напоминают предгрозовое небо – в них даже молнии сверкают.

– Ты ударила меня, Зайкина, – говорит он так, словно и сам не верит в то, что я на это сподобилась.

– Нет, – мотаю головой. Ничего не знаю, буду стоять до последнего!

– Ты зажала свой обед и долбанула меня сумкой.

– Я думала, вы пристаете ко мне! – зачем-то вылетает против воли из моего рта.

– Зайкина, я предупреждал, что ты допрыгаешься? – рычит грозно Тихонов. – Предупреждал. Вот теперь не обижайся. Собирай манатки, ты переезжаешь ко мне. Будешь играть роль моей невесты перед бабушкой из Питера. В офисе от тебя все равно толку нет, только отвлекаешь всех от работы.

– Но я не могу, у меня ребенок, – напоминаю.

Надеюсь, что мать Тихонов не тронет. Но нет, напрасно я рассчитываю на его человечность. Потому как он только скалится хищно:

– Ребенок – это вообще замечательно. Бабушке точно понравится.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.